

ПЯТНИЦА, 12 НОЯБРЯ 1904 ГОДА.

№ 270

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Подписная цена в России за годъ 9 р., на полгода 5 руб., на кварталъ—1 руб. Допускается подписка и на меньшие сроки также на льготныхъ условияхъ. Отдельные №№ по 5 к. За доставку адреса между городами и городского на иногородній доплата 40 к. При газетѣ издается «Сибирскій Сборникъ». Цена 2 р. въ годъ. Обязанія за строчку летита впередъ текста. 20 к., послѣ текста 10

Отд. № 5 в.

«Человек в футляре».

«Мавра, женщина здоровая и неглупая, во всю свою жизнь не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги, а в последние десять лет все сидела за печью и только по ночам выходила на улицу». Пра свет! дна она уходила в свою скорлупу, «как рак-отшельник или улитка». Дневной свет несл с собой суровую, угнетательную, безтолковую жизнь, «но запрещенную циркулярно, но и не разрешенную вполна». Живая, но разрушенная вполна,—трагическая судьба Мавры, этого крестьянского человека в футляре.

Чуждость и явная любовь к народу, свойственная русским писателям, не позволили Чехову бередить рагу весточной Мавры.

Для анализа человека в футляре он выбрал тип из среды власти имушких, которым доступны просвещение, знание, богатство, которые должны и мстугь бороться со злом и не в правь забавляться в футляре. Такие люди, падая, несут двойной позор. Художник превосходно выразил свою задачу: Куда двался его незлобивый юмор, беззаботный, жемчужный смех? Суровым обличением звучит его рассказ.

Аскетизм картинности, вообще мало свойственный Чехову, только усиливает это обличение, двалает прямо трагическим бесшадным анализ человека в футляре.

Прежде всего, не случайно Вялков сдван учителем гимназии. Мир наших педагогов, худших из чиновников,—это мир жестких, сухих, ослабленных, мягких людей,

ст занятой чество в дубовой совести, душителей и гасителей всего частого и светлага в порывах юности. Уд! можно было найти лучшей материи?

У Вялкова «наблюдалось постоянное и неопределимое стремление окружить себя оболочкой, создать себ, так сказать футляр, который уединил бы его, защитил бы от вливающих вливаний. Действительность раздражала его, шугала, держала в постоянной тревоге... И мысль свою Вялков также старался запереть в футляр»... Такова духовная тюрьма этого человека; наружность, отражающая его душу, рисовывается чисто Гоголевскими штрихами. Он «всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в казашка и с зонтиком и непременно в теплом пальто на ват. И зонтик у него был в чехал, и часы в чехал из срой замши и, когда вынимал перочинный ножик, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчик»...

Основное, наиболее сильное, можно сказать, героическое свойство человека в футляре—это страх, робость. Боятся он женитьбы, которая грозит немилым, раскупорить его личную жизнь: «Женитьба—шаг серьезный, надо сначала ввистить предстоящую обязанность, отвтственность... чтобы потом чего не вышло»... Боятся жалости своей весты: «У нея сь брагом какой-то страшный образ мысли, рассуждают она как-то, знаете ли, странно, и характер очень бойкий. Женатися, а потом, чего добраго, попадет в какую-нибудь историю». А когда «встория», в вид пбздки его весты на велосипед, свалдися ему на голову, он «на другой день все время нервно поти-

рала руки и вздрагивать, и было видно по лицу, что ему нехорошо»... Всплс ити рядом сь живым человеком: ему, по натуре одинокому, его тяжело.

Страшно противна ему многолюдная гимназия, в которую приходится шагал каждое утро. Боятся он бдных гимназистиков: «Очень уж шумят они в классах... Ни на что не похоже»... Боятся какого-то «пасквильята», который нарисовал в смшном видь его и «еще одну особу», ему близку. Боятся, наконец, и канбольше всего сильного, власть имущаго,—будто общественное мнние или директорь и попечитель: «Лучше бы, кажется, сломать себ шею, обь ноги, чьм стать посмшнител; вьд теперь узнает весь народ, дойдеть до директора, попечителя,—ах, как бы чего не вышло!»—нарисуют новку карикатуру и кончатся все это тьм, что прикажут подать в отставку».

Изъ страха вытекает благонамьренность. Эта российская доблесть—не то, что законопослушность смиренных культурных граждан. Благонамьренность идет дальше самой строгой законопослушности и даже готова именовать последнюю злонамьренностью. Идолъ ее не закон, хотя бы маленький, а только указъ и приказъ.

Для Вялкова «были ясны только циркуляры и газетная статья, в которых запрещалось что-нибудь. Когда в циркулярах запрещалось ученикам выходить на улицу послд девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь стать запрещалось плотская любовь, то это было для него ясно, оредьлено: запрещено—и basta. Въ разрешенном и позволеном скрывался для него всегда сомнительное, что-то не досказанное и смутное. Когда в городъ раз-

ршала драматический кружок или читальню, или чайную, то онъ поначивал головой и говорилъ тако:—«Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло»... Благонамьренная душа не только сама не дерзает выйти изъ тисковъ указа и приказа, но впадаетъ в уныние всякий разъ, какъ друге допускают нарушение, уклонение, отступление отъ правилъ, при этомъ общее положение права: то не запрещено, то дозволено,—благонамьренный человекъ в футляръ замьняетъ другимъ: что не запрещено до сихъ поръ, то можетъ быть еще запрещено. «Вы человекъ молодой,—точитъ Вялковъ своего коллегу: у васъ впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ манкируете, охъ, какъ манкируете! Вы ходите въ вышитой сорочк, постояно на улице сь какими-то вянгами, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша страдица катаются на велосипед, узнаетъ директоръ, потомъ дойдеть до попечителя... Что же хорошаго?... Затъм, «если учитель идетъ на велосипед, то что же остается ученикам? Имъ остается только ходить на головахъ! И разъ его не разрешено циркулярно, то и нельзя»...

Благонамьренность безъ раболъния—какъ глво безъ крови. Раболъние—это душа, это, можно сказать, страсть драхлы, глдой благонамьренности. Раболъние доводитъ до подвизничества пресмыкателя, даетъ благонамьренности силу творить зло. Когда молодой коллега Вялкова завлаетъ, что директоръ не вправь вмьиваться въ его домашнюю и семейную жизнь, человекъ в футляръ говоритъ: «Прому васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствии о начальникахъ. Вы

должны сь уважениемъ относиться къ властямъ... Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, васъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чтобы чего-нибудь не вышло, а должеть быть доложить господину директору содержание нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязавъ отъ сдлать»... Это апеллозъ благонамьренного пресмыканья передъ начальствомъ. Доложить по начальству,—чтобы предохранил себя отъ подозрвий, чтобы не прочли чего-нибудь скрито-матежнаго въ его душ, идеально благонамьренной и раболъной.

Трусливый рабъ,—вы думаете,—онъ всегда низокъ и ничтожен? О, нтъ. Есть царство, гд и онъ—господаетъ самовластный. Рабъ деспотизма—какая страшная система! Вотъ—домъ, семья, школа,—ключи жизни, поколвья живыхъ и жаждущихъ жизни людей. Рабъ-деспотъ, человекъ в футляръ вноситъ туда: «халатъ, колпакъ, ставни, задвижки, цлный рядъ всякихъ запрещений, ограничений и—ахъ, какъ бы чего не вышло»...

Сильный своимъ режимомъ запрещений и ограничений, выключенный въ свою пустую, мертвую жизнь, онъ всьхъ угнетаетъ, всьхъ мьшаетъ жить. «Онъ просто угнеталъ всьхъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображениями на счетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназияхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ,—ахъ, какъ бы чего не вышло... Своими вздохами, вытесомъ онъ давилъ насъ всьхъ, и мы уступали»... Вялкова боялась не только вся гимназия, но только директоръ,—весь городъ боялся его. Даже «духовенство

стбнялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты»... «Подъ влияниемъ такъхъ людей, какъ Вялковъ, за послдние десять—пятнадцать летъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, послать письма, знакомиться, читать книги, боятся помогать бднымъ, учить грамотѣ... Да, мысляще, порядочные, читають и Щедрина, и Тургенева, различныхъ тамъ Волкел и прочее, а вотъ подчинились же, терпѣли»...

Да, уступали, подчинились, терпѣли—все, в что способна была среда, взростившая, вспомятая, выдосившая Вялковыхъ, сама, в большинств, состоявшая изъ такъхъ же, какъ онъ, людей в футлярахъ.

Это—среда 80-хъ годовъ, удержавшій кошмаръ которой не покидаетъ насъ до сихъ поръ, среда,—въ которой выбиты были львы и орлы и остались только волки на баранахъ. Меньшинство первыхъ и большинство вторыхъ. Последние,—такъ называемое общество,—включили ту страшную «жизнь, не разрешенную циркулярно, но и не разрешенную вполна», о которой говоритъ Чеховъ.

Чеховскій человекъ в футляръ, «чтобы оправдать свою робость, свое отрешение къ настоящему, всегда хвалитъ прошлое и то, чего никогда не было; и древние языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности ть же кашоши и зонтики, куда онъ прятался отъ действительной жизни»... О, какъ звучатъ, какъ прекращетъ греческй языкъ!—говорилъ онъ со сладкимъ выражениемъ; и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, прашивръ глазъ и поднимъ палецъ, произноситъ:—«Автрополи!»... Въ этомъ смшномъ восклицаньи—цлная трагедия. Трагедия цлного поколвня. Поко-

двѣя въ футлярѣ. Удушающій рожимъ убивалъ всё живыя чувства, порыбы и страсти въ этомъ жалкомъ поколѣвіи.

«Русскій человѣкъ любитъ вспоминать, но не любить жить»,—съ грустью замѣчаетъ Чеховъ. Какъ же ему любить жить, когда для жизни нужно расправить крылья, нужны усиліе, свободный полетъ. Бѣдный Чеховъ! Бѣдный русскій человѣкъ, о которомъ онъ говоритъ! Это—трупъ-человѣкъ, костями котораго усыяно кладбище 80-хъ и 90-хъ годовъ,—кладбище, воспыть которое суждено было Чехову.

Сыблѣй, здоровый смѣхъ дѣвчуки, которая кричала: «а мы впередъ ѣдемъ!»—убилъ Бѣликова, и Чеховъ похоронилъ его. «И какъ бы въ честь его, во время похоронъ, была пасмурная, дождливая погода, и всё мы были въ калошахъ и съ зонтиками»... «Признаюсь,—говорить онъ,—хоронить тавыхъ людей, какъ Бѣликовъ, это большее удовольствіе. Когда мы возвращались съ кладбища, то у насъ были скромныя постыны фціономів; никому не хотѣлось обнаружить этого чувства удовольствія,—чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда старшіе уѣзжали изъ дому и мы бѣгали по саду часть—другой, наслаждаясь полной свободой. Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья»...

Самъ Чеховъ не пережилъ своего героя. Онъ умеръ на порогѣ безвременья, которому посвятилъ свою жизнь и труды. 15 іюля 1904 года его мертвого съ чужбины привезли въ Петербургъ, и онъ не успѣлъ увидѣть радостныхъ похоронъ. Похоронъ стараго футлара. Пока еще мы только отпѣваемъ его, громко поемъ ему «вѣчную память»...

Въ разсказѣ Чехова, какъ мы героизируемъ, есть второй человѣкъ въ футлярѣ,—Мавра, выходящая изъ свсего угла только по ночамъ. Чеховъ не береть великаго крестьянскаго горя, ходящаго во тьмѣ: слишкомъ ужъ тяжело оно, слишкомъ незаслужено и не виновны въ немъ страдающіе. Художникъ даетъ лишь одну картинку—символъ: «Оба пошли въ сарай и легли на сѣнѣ. И уже оба укрылись и задремали, какъ вдругъ послышались легкіе шаги: тупъ, тупъ... Кто-то ходилъ не далеко отъ сарая; пройдетъ немного и остановится, а черезъ минуточку опять: тупъ, тупъ... Собаки заворчали.—Это Мавра ходитъ,—сказалъ Вуркинъ.. Шаги затихли».

Если въ правду Бѣликовъ похороненъ и не воскреснетъ больше, то скоро и многострадальная Мавра выйдетъ на свѣтъ...

Чеховъ, очевидно, вѣрилъ, и добрымъ призывомъ кончилъ свой разсказъ: «Видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, снести обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ за теплаго угла, изъ за какого-нибудь чинишка, котсрому грошь цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно!»..

Чтобы въ заключеніе въ двухъ словахъ охарактеризовать значеніе таланта Чехова, отмѣтимъ только, что въ историческомъ смыслѣ онъ вскрылъ предъ нами душу нищаго духомъ поколѣнія 80-ти годовъ, а въ художественно-психологическомъ—вездѣ,—въ каскадахъ жемчужнаго смѣха и подъ дымкой мягкой грусти,—изображалъ ужасное свойство русскаго безвременья, героическую дошлость.